

Его ²²⁰⁷зналПОМНИТЕ
ИХ ИМЕНА

и уважал А. М. Горький

Осенью 1920 года отдел Главнауки Наркомпроса развернул в Москве выставку, посвященную реставрационным работам. Среди многих посетителей выставки был и Алексей Максимович Горький. Его внимание привлекли материалы, рассказывающие о восстановлении архитектурных памятников Ярославля, разрушенных во время белогвардейского мятежа летом 1918 года. Обратившись к сопровождавшему его искусствоведа М. В. Бабенчикову, он спросил, знает ли тот кого-либо из ярославских деятелей. Получив утвердительный ответ, Алексей Максимович оживился, в словах его зазвучали задорные нотки:

— Хорош город! Писать, сударь, надо о нем. Что? Намерены? Весьма одобряю! А люди! Ну, разве не дошлый народ? Один Трефолов с его «Комаринской» чего стоит?.. Ну, а в Рыбинске, как? Что Алексис Золотарев там подделывает? Все музеем, поди, занят. Доброе дело затеял. Труденький он, что и говорить. Чистой души человек, вроде псковских праведников. Это я его Алексисом любя зову. Он ведь в Сорбонне обучался. И волжанин и парижанин в одном лице. Удивительные люди! Кланяйтесь им от меня. Премного обяжете.¹

Горький не случайно вспомнил А. А. Золотарева. Многие годы знакомства и творческой дружбы связывали великого писателя с этим человеком.

Алексей Алексеевич Золотарев родился в ноябре 1879 года. В 1897 году окончил рыбинскую гимназию и по настоянию отца поступил в Киевскую духовную академию. Через три года покинул ее и стал студентом естественного факультета Петербургского университета. Здесь он принимает активное участие в студенческом движении, посылает корреспонденции в ленинскую «Искру». 3 марта 1902 года за участие в политической демонстрации студентов и рабочих на Казанской площади Алексей был арестован. Три месяца просидел в тюрьме, а затем был выслан под гласный надзор полиции. Лишенный права учиться в столицах, через год поступил в Новороссийский университет. И снова он в гуще событий.

1905 год застает Алексея в Рыбинске. Он — член местной социал-демократической группы, деятельный участник революционных

событий в городе. При разгроме Рыбинской группы РСДРП в декабре его арестовывают, а в марте 1906 года высылают в Нарымский край. Вскоре родным удается выхлопотать замену сибирской ссылки высылкой за границу.

В Париже он становится студентом Сорбонны, но долго учиться не пришлось. Открывшийся процесс в легких вынудил его уехать в Швейцарию. Здесь, в небольшом городке Монтре, он сдружился с группой русских эмигрантов. Один из них, Алексей Васильевич Буров, оказался земляком-ярославцем. Уроженец Пошехонского уезда, он одиннадцатилетним мальчиком отправился на заработки в Питер, стал столаром-краснодеревщиком. В октябрьские дни 1905 года рабочие завода Речкина послали его своим представителем в Петербургский Совет рабочих депутатов, но уже 3 декабря он вместе с другими членами Совета был арестован и после семимесячной отсидки, в августе 1906 года, эмигрировал за границу.

Душой небольшого землячества в Монтре был А. А. Золотарев или «Алексейч», как все его называли. «Алексейч», — писал А. Буров в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Звезда» в 1961 году, — длинный, худой, в потертой круглой шляпе, в засаленной тужурке, в русской рубашке; усы вислые, как у Тараса Бульбы, рыжеватые, лоб большой, под густыми бровями ласковые глаза... Человек он высококравственный, честный, очень отзывчивый. Мы все относились к нему с большим уважением».

Среди друзей Золотарева и Бурова в Монтре был критик В. Л. Львов-Рогачевский. Он переписывался с А. М. Горьким и получил от него приглашение приехать на Капри. Решили ехать компанией. «Сегодня», — пишет Алексей Алексеевич 14 сентября 1907 года родителям, — еду на полтора месяца в Италию, на остров Капри».

Алексей Максимович встретил своих земляков приветливо. Вечерами они часто бывали у него в гостях. Мария Федоровна Андреева угощала всех чаем. Вместе катались по морю или бродили по острову. Слушали неаполитанские песни, пели свои русские,

«Горький мне пришелся очень по душе, — пишет А. А. Золотарев 20 сентября. — Смотришь на него, слушаешь его задушевный голос с волжскими ударениями и точно всю Россию припоминаешь». «Что очень светло действует на меня здесь — это знакомство с Горьким», — пишет он 20 дней спустя.

Но как ни хорошо было на Капри, мысли о Родине, о ее судьбе не оставляли Золотарева. «Читаю газеты, невесело что-то у нас в России, невесело. Усомнились маловерные, куда что пропало. А я все же думаю, что до замирения далеко... Въехали мы в полосу политических и социальных бурь».

На Капри Алексей Алексеевич много работал, заканчивая повесть, начатую еще в Париже. Горький, как никто другой, умел разглядеть в человеке его дарования. 6 ноября 1907 года Алексей Максимович пишет К. П. Пятницкому, своему соредктору по литературным сборникам «Знание», издававшимся в России: «Если Вы получили рукопись Золотарева, двигайте ее в тот сборник, где будет вещь Леонида, — если она будет». «Вещь Леонида» — это пьеса Л. Андреева «Дни нашей жизни», а «рукопись Золотарева», о которой пишет Горький, — это первая повесть молодого писателя «В старой лавре». В 1908 году она была опубликована в 23-м сборнике «Знание».

В марте 1909 года закончился срок высылки А. А. Золотарева, и он вернулся на Родину. Вскоре в Рыбинск пришло письмо от А. М. Горького: «Работаете Вы, многоуважаемый лирик, не очень спорно! Кончите к осени-то, — а ли нет? Онукова я читал года полтора тому назад. Нет ли чего нового?»

Здесь весна! Да какая! А я нумизматом становлюсь — факт! Подарили мне несколько десятков греческих и римских монет, я их разглядел, влюбился и увлекаюсь. Потом арендную или куплю Сахару и начну собирать коллекцию кафедральных соборов...

Поклон низкий матушке Вашей. Жму руку...

Вернувшись в Рыбинск, А. А. Золотарев возобновил связи с местными социал-демократами и вскоре вновь попал в поле зрения охранки. В мае 1910 года подвергся обыску. Обширная переписка, найденная у не-

го, привлекла пристальное внимание жандармов. Среди них было и письмо Горького.

...Вновь началось жандармское следствие.

Весной 1911 года Золотарев оказался на Капри, где под руководством Горького продолжал заниматься литературной деятельностью. В 1912 году в 35-м сборнике «Знание» была опубликована вторая повесть Золотарева — «На чужой стороне», через год третья — «Во едину из суббот». Повести верно отражают общественно-политический уклад России начала XX века. Герои их — люди беспокойные, честные, ищущие правды, самоотверженно идущие на борьбу за революционное преобразование мира. Именно этими качествами притягивала писателя к себе и личность великого итальянца Джордано Бруно, сожженного инквизиторами за свои убеждения. Несколько лет работал А. А. Золотарев над переводом его книги «Изгнание торжествующего зверя». В 1914 году она вышла на русском языке в издательстве «Огни».

После Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Золотарев ведет в Рыбинске большую работу по созданию научных обществ, был организатором и заведующим городским музеем, членом Центрального совета Всероссийского краеведческого общества. Все эти годы не прерывалась его связь с Горьким. Они переписывались, а когда Алексей Максимович жил в Москве, часто встречались.

В 30—40-е годы Алексей Алексеевич жил то в Москве, то в Рыбинске, занимался литературным трудом. Писал воспоминания о своих встречах с Горьким, Бунным, Н. А. Морозовым, написал «Двенадцать каприйских новелл», главы для книги по истории Ярославля. Последние две рукописи хранятся в Ярославском музее-заповеднике, куда их передала его сестра М. А. Сыромятникова. Остальное его рукописное наследство находится в Государственном литературном архиве в Москве. Умер А. А. Золотарев 13 февраля 1950 года в Москве.

М. МЕИЕРОВИЧ,
кандидат исторических наук, доцент Ярославского университета.

¹ М. Бабенчиков. «Слово о Горьком», — «Неделя», 1963, № 10.